

Примечания

- ¹ *Mordawski J.* Geografia Kaszub. Gdańsk: ZKP, 2018. S. 43.
- ² *Ibid.* S. 46.
- ³ *Dorian N.* Language Loss and Language Maintenance in Language Contact Situations // *The Loss of Language Skills* / Ed. by R.D. Lambert. London: Newbury House, 1982. P. 44.
- ⁴ *Haugen E.* Dialect, Language, Nation // *American Anthropologist*. 1966. Vol. 68. N 4. P. 928.
- ⁵ *Ferguson C.A.* Diglossia // *Word*. 1959. Vol. 15. P. 325.
- ⁶ *Silverstein M.* Language Structure and Linguistic Ideology // *The Elements: a Paresession on Linguistic Units and Levels*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1979. P. 193.

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.2.06

Идентификация и самоидентификация через этнонимы в чешских миноритарных сообществах на Балканах*

Сергей Александрович Борисов

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: borisovsergius@gmail.com

Ключевые слова: этнонимы, миноритарное сообщество, билингвизм, Балканы, чешский язык

Identification and self-identification through ethnonyms in Czech minority communities in the Balkans

Sergej A. Borisov

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: borisovsergius@gmail.com

Keywords: ethnonyms, minority, bilingualism, Balkans, Czech language

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФ 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона».

Одной из задач экспедиций сезона 2019 г. к компактно проживающим чехам в Хорватию¹, Боснию и Герцеговину, Сербию и Румынию² была фиксация употребления «неофициальных этнонимов», которыми: а) иноэтничные жители (хорваты, сербы, румыны) посещенных нами регионов называют чехов; б) чехи называют, соответственно, своих иноэтничных соседей; в) представители диаспоры называют сами себя.

В одной из своих статей О.С. Коробкова перечисляет основные термины, которыми отечественные исследователи обозначают подобные этнонимы, функционирующие, как правило, только в разговорной речи: «*прозвищные этнонимы* (Е.Л. Березович, Д.П. Гулик), *пейоративные/экспрессивные псевдоэтнонимы* (А.С. Архипова), *экспрессивные этнонимы* (А.И. Грищенко, Н.А. Николина), *национальные прозвища* <...> *национально-расовые оскорбления/пейоративы* (В.И. Карасик), *этнические инвективы* (В.И. Жельвис)», при этом сама она отдает предпочтение терминам *этнофолизм* и *лексемы чуждости*³. Грищенко и Николина при этом отмечают, что термин *этнофолизм*, образованный «сложением корней двух греческих слов: *ἔθνος* ‘народ, племя’ и *φαῦλος* ‘дурной, ничтожный’», используется для обозначения слов, содержащих в себе оттенок нетерпимости к другим народам, тогда как «многие экспрессивные этнонимы далеко не всегда могут быть квалифицированы как этнофолизм»⁴.

Примеры из наших интервью подтверждают тезис о том, что не все подобные этнонимы содержат в себе оттенок презрения и нетерпимости к называемому ими народу, однако бывают случаи, когда одна и та же лексема может восприниматься по-разному. В рамках данной работы будет рассмотрено, прежде всего, функционирование этнонима с корнем *ret-* (формы м.р. мн. ч. *retsi* — преимущественно в Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговине, *reti* [rem'] — в Румынии) в посещенных нами странах, а также производных от него топонимов. Данный этноним связан с немецким словом *Böhmen* – «богемцы», жители Богемии⁵, которым в метриче-

ских книгах XIX в. помечали прибывавших из Чехии в приграничные с Османской империей районы переселенцев.

В большинстве случаев во всех посещенных регионах отношение представителей чешского меньшинства к этнониму с корнем *pet-* было нейтральным или положительным. Информанты подчеркивали, что это прозвище не обидное и активно употребляли его по отношению к себе.

(1) JM: *Nevim, co to znamena pemaц. Tak vu nas tuten kraj, žikali nam, čexum, pemaц. A mi sme se... žadni se nezlobil. An'ì vot srbu n'ì to. Dřiv de se co sretnu, tam, že n'akej: «O, zdravo, pemaц, kako si?» Mi sme se to nezlobili uopšte, n'ic. Mn'è bilo... On'ì tej nam žikaji češi, von'ì tuti česi, začli tu d'elat: «Tu sou češi, češi. A ešče žikaji po n'ejaki pemci». A mn'è tej smn'ešni, že mi žikaji čex: «Ja sam pemaц, bre, vod pemki! Česi su u Česku», — rekoх.*

‘Я не знаю, что значит пемац. Так у нас в этом краю называли нас, чехов: «пемац». А мы... никто не обижался. Даже если [слышали] от сербов, нет. Раньше, если где кто встретится: «О, здорово, пемац, как дела?». Мы не сердились совсем, ничего. Мне было... Они теперь нас называют чехами, они, эти чехи, которые стали здесь работать: «Здесь чехи, чехи. А еще говорят про каких-то пемцев». А мне теперь смешно, что меня называют чехом: «Я пемац, эй, от пемки! Чехи живут в Чехии», — говорю’.

Лишь один раз нам встретилось резко негативное отношение к прозвищу *pet*. Собеседница в румынском селе Шумица (рум. Şumița, чеш. Šumice) вспомнила дразнилку, которую слышала от румын в отношении чехов.

(2) SB*: *A jak rumun'ì řikaji tadi čexum?*

AD: *Ale čexum... Mi sme mezi t'ima valaxama tadi špatni. Von'ì žikaji, že sme tadi, jak mi to t'ì žict... Vičitaji nam, gdiš se, že mi sme tadi mezi tima čex-, tidle češi, tale vesn'ička, dokola sou jenom rumun'ì. Lapušnik a Božovice a šecki. Tag žikaji: pem pem, že vam to tak tam žict, cu curu(l) de lemn. Vičitaji, viš, že sme špatni, viš, mi mezi n'ima špatni.*

* SB — Сергей Борисов.

‘— А как румыны здесь называют чехов?

— Ох, чехов... Мы у этих валахов плохие. Они говорят, что мы здесь, как тебе это сказать... Ругают нас, ведь мы здесь, среди этих че-, эти чехи, эта деревенька, а вокруг только румыны. Лапушник, Божовице и все остальные. Так что они говорят: «Пем, пем, — придется мне вам это сказать, — (рум.) *с деревянным задом*». Ругают, знаешь, что мы плохие, знаешь, мы у них плохие’.

В силу высокой употребительности этнонима с корнем *pet-* в изучаемых регионах сформировались также производные от него топонимы. Так, в румынском селе Златица (рум. *Zlatița*, серб. *Zlatica*, чеш. *Zlatice*), где исторически сложилась ситуация румыно-сербо-чешского триязычия, одну из улиц информанты называли *pemski sokak* (серб. «пемская»/чешская улица)⁶. В Боснии и Герцеговине было отмечено употребление топонима *Pemija* в значении «Чехия»⁷. Сербские словари фиксируют форму *Пемска* с тем же значением⁸. Распространенная среди хорватских чехов, проживающих в окрестностях города Дарувар, лексема *Pemija/Pemie*, однако, имеет иное значение. Так местные жители называют населенный пункт Иваново-Село (хорв., чеш. *Ivanovo Selo*) — одно из первых чешских сел в этом регионе.

(3) SB: *A teda odsut je najbliži škola f Pemiji?*

ZV: *Pemiji, ano. Mi žikame Pemija. A vite proč Pemije?*

SB: *No p̄resn’e ne, ale n’eco sem slišel.*

ZV: *Da. P(r)otože bemiš je n’emecki česki, ne, bemš. I tak vostalo, bemiš, pemiš, i vostala Pemija. Vod n’emecki, znači, žeči bemiš, da.*

‘— А значит отсюда ближайшая школа — в Пемии?

— В Пемии, да. Мы говорим Пемия. А знаете, почему Пемия?

— Точно не знаю, но что-то слышал.

— Да. Потому что «бемииш» — это по-немецки «чешский», да, «бемш». Так и осталось: бемииш, пемииш, и осталась Пемия. От немецкого, значит, слова «бемииш», да’.

На основании анализа рассказов информантов, записанных в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Сербии и Румынии, можно сделать вывод о том, что экспрессивные этнонимы с корнем *ret-* являются маркером идентичности представителей чешского меньшинства в данном регионе. Они активно употребляются как по отношению к местным чехам «извне», со стороны иноэтничных соседей, так и для самоидентификации чехов. Наиболее распространены нейтральное и положительное отношение к данному этнониму, благодаря чему возникают производные топонимы, которыми пользуются в своей речи как чехи, так и их соседи. Также, однако, фиксируются случаи употребления этнонима с корнем *ret-* в негативном ключе, с целью показать отрицательное, пренебрежительное отношение к представителям чешской диаспоры, например, в селе Шумица, где была записана дразнилка на румынском языке.

Список информантов

- JM — муж., ок. 1945 г.р., Kruščica, Сербия
AD — жен., ок. 1945 г.р., Şumița, Румыния
ZV — муж., ок. 1960 г.р., Rastovac, Хорватия

Примечания

- ¹ Борисов С.А., Пилипенко Г.П. Полевое исследование среди венгров и чехов в центральной Хорватии // Zbornik Janković. 2019. Br. 4. S. 593–604.
- ² Борисов С.А. Чешский язык в полиэтничном окружении (обзор полевого исследования 2019 года в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине) // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 310–328.
- ³ Коробкова О.С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2009. № 111. С. 201.
- ⁴ Грищенко А.И., Николина Н.А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: Коллективная монография / Отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова. Труды Уральского МИОНа. Вып. 20. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 176–177.
- ⁵ Gece D. Historie českých komunit v Rumunsku. Praha: Herrmann & Synové, 2013. S. 33.

- ⁶ *Борисов С.А., Пилипенко Г.П.* Чешско-сербско-румынские языковые контакты в румынском Банате на материале полевого исследования // Вестник Томского государственного университета, 2020. № 459. С. 17.
- ⁷ *Борисов С.А.* Чешский язык в полиэтничном окружении (обзор полевого исследования 2019 года в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине) // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 321.
- ⁸ Речник српскохрватског књижевног језика. Књига четврта. О–П (ограшје–претња) / ур. Акад. Др. Михаило Стеванович и др. Нови Сад: Матица српска, 1971. С. 382; *Томић М.* Говор Свиничана // Српски дијалектолошки зборник. Књ. 30. Расправе и грађа / гл. уред. П. Ивић. Београд, 1984. С. 191.